

Театр кукол – это вам не «спокушки»

> В «Буратино» – премьера сложного детского спектакля

ПОВОДОМ для встречи с главным режиссером театра кукол и актера «Буратино» Сергеем Ягодкиным послужила премьера его нового спектакля «Белоснежка и семь гномов» по пьесе Льва Устинова и Олега Табакова.

Зрительный зал битком набит шестиклассниками и их учителями. Шум, гам. Премьера вот-вот должна начаться, но детский крик не утихает. Перед началом спектакля Сергей выходит к юным зрителям, но его «в упор» не замечают. Он молчит, ждет, когда они успокоятся. «Школота» притихла лишь после сердитого «пшиканья» учителей. Ягодкин рассказывает детворе о пьесе, желает приятного просмотра. Но только он скрывается за дверью, как детишки с удвоенной силой начинают шуметь. Не помогает и очередное строгое учительское: «Тихо!»

К сожалению, для меня премьера закончилась на середине спектакля: жаль было насильно барабанные перепонки, пытаясь расслышать актеров. Лучше уж пообщаться с создателем «Белоснежки». Его-то я точно расслышу...

– Если честно, было обидно, что во время «Белоснежки» детвора весь спектакль не могла угомониться. В свое время, когда нас, школьничков, водили еще в старое здание «Буратино», в зале стояла полнейшая тишина. Не было такого, чтобы мы лопали чипсы, пили газировку, шуршали, ерзали...

– На сайте «Эха Москвы» я обнаружил блог журналиста Ксении Лариной. Там она анализирует результаты одного соцопроса: кто, когда и сколько раз был в театре? Цифра просто страшная. Выясняется, что людей, которые ходят несколько раз в год в театр, – около восьмидесяти процентов. И не дети тут виноваты – все идет от родителей, которых в театр практически не заманишь.

– А как вы «заманиваете» своего зрителя? Для начала: где учат на кукольных режиссеров?

– Первую «вышку» я получил в Саратовской консерватории, где получал профессию артиста театра кукол. Я – человек, который не смог выучиться единожды: нормальные люди по большому счету получают высшее образование один раз. А я отучился сначала в Саратове, потом в Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства – СПбГАТИ. Отвратительная, считаю, аббревиатура: ее никто не любит – ни преподаватели, ни студенты. Нынешняя академия до этого сокращенно читалась как ЛГИТМИК – нормальное, красиво звучащее слово.

Мне в жизни жутко повезло: в самом начале учебы, еще в Саратове, я встретил главного режиссера Воронежского театра «Куколшут» Валерия Вольховского. Режиссер-легенда! В свое время Валерий Аркадьевич возглавлял Челябинский театр кукол, потом уехал в Воронеж.

И когда я учился на первом курсе, он как-то пригласил студентов к себе в гости в театр. Именно Вольховский меня и испортит.

– Как же он вас «испортил»?

– Я посмотрел его потрясающие спектакли и понял, что ничем другим, кроме театра кукол, заниматься не хочу. И не смог. А еще Вольховский заронил в душу сомнения, что мое призвание – именно артист.

– Значит, в актерской шкуре не успели побывать?

– Только студентом. Глядя спектакли Валерия Аркадьевича, я понял: люди, играющие передо мной на сцене, – артисты, а я нет. Мне это не светит. Вольховский говорил студентам: «Хотите быть хорошими актерами? Возьмите томик Чехова, Станиславского и попробуйте совместить одно с другим». Я единственный из курса, кто выбрал только Станиславского.

И так получилось, что все мои партнерши, с кем я играл в чеховских отрывках, работали очень хорошо, я же – из рук вон плохо. А эти отрывки я еще и ставил как режиссер. И мастер мне сказал:

«Ягодкин – ты не артист, ты – режиссер!» Я молодой, амбициозный, сразу захотел стать режиссером (смеется). Окончив консерваторию, тут же поступил на третий курс отделения режиссуры в Питер.

– В качестве полноценного режиссера какой первый спектакль поставили?

– Начал с «Кошкиного дома» в Саратове.

– Это то, что мы лицеизрели в прошлом году?

– Магнитогорский «Кошкин дом» – уже другая редакция. Саратов-

ская мне не очень нравилась, вот я ее и попытался изменить здесь.

– После Саратова, насколько я знаю, вас пригласили в Томск...

– Да, получил приглашение в театр легендарного режиссера Романа Виндермана. В ту пору я был самой молодой главный режиссер в стране – мне было двадцать пять лет. Меня вообще по жизни ведут какие-то обстоятельства, я их не выбираю – они сами случаются. В день, когда я должен был заключить договор с Томским театром, Виндерман умер. Так неожиданно вместо должности приглашенного режиссера я стал исполняющим обязанности главного. Отступить было некуда. Проработал я в Томске пять лет и поставил много спектаклей.

– Самый-самый того периода можете отметить?

– Да черт его знает... Были и «Маленькие трагедии» Пушкина, и «Ночь перед Рождеством» Гоголя, и много детского репертуара, правда, для меня он не так интересен.

– Мне нашептали, что в Томске у вас был конфликт с директором театра, из-за чего вы, собственно, и перебрались в Магнитку.

– Меня просто выперли оттуда, если называть вещи своими именами.

– И что же это за вещи?

– Кто какие функции должен выполнять. Я на правах главного режиссера и профессионала ставил спектакли, как считаю нужным, а директор Томского кукольного театра настаивала: надо ставить, как нужным считает она.

– Благодаря тому, что с вами

не продлили контракт, за вами в Магнитогорск уехала и часть актеров?

– Уехала.

– А почему именно в Магнитку?

– В свое время в качестве приглашенного режиссера я ставил в «Буратино» спектакль «Игрок». Подружился с труппой. Когда они узнали, что я остался без работы, позвали: «Приезжай, у нас тут режиссер Койфман уволился». И вот за полтора года я поставил здесь «Волшебную лампу Аладдина», «Кошкин дом», «Золотого цыпленка», «Осколки неба, или Воспоминания о Битлз»...

– Легко влились в коллектив?

– Нормально.

– Что больше всего любите использовать в своих постановках?

– То, чего никто до меня не делал.

– В смысле?

– Откуда я знаю? Каждый раз ишу. Хочется найти трансформацию какого-то пространства на визуальном уровне, чтобы все двигалось. Театр кукол – он же не театр драмы. У нас «базарить» – не самое удачное, что получается. У нас какие-то фокусы есть, которые мы здорово делаем. Мы можем на ходу трансформировать персонажи, а артист драматический этого сделать не может: у него две ноги, две руки, если он полноценный артист, и одна голова. Вариантов – никаких. А в театре кукол мы можем сделать что угодно. Мы можем менять масштабы – был маленький человечек, через мгновение – огромный. Эта визуальная сторона преобладает над психологической и вызывает эмоции у зрителей.

– Сложные спектакли – детские или взрослые?

– Детские. Если честно, их не очень-то хочется делать.

– Из-за уровня воспитания, что мы наблюдали на сегодняшней премьере?

– Не совсем. К сожалению, из-за низкого уровня детской драматургии. Современные детские авторы – такая чушь... То, что они пишут, детям просто нельзя показывать. Неграмотные тексты, невыстроенные проблемы, персонажи...

– А бывает, что зритель не понимает как раз-таки вашу постановку?

– Конечно. Люди вообще редко понимают друг друга. Но я стараюсь, чтобы они хоть немного поняли.

– Сейчас над чем работаете?

– Над «Трехгрошовой оперой» Бертольда Брехта.

– Сложно, небось...

– Очень. Но если бы я думал об обратном, взялся бы я за нее?

– Ориентируетесь на взрослую аудиторию?

– Если папа с мамой приведут на спектакль ребенка – почему бы и нет? Меня в детстве водили на взрослые постановки. Я задавал вопросы. Например, что происходит между Ромео и Джульеттой на балконе? Родители должны понимать, что с ребенком надо об этом поговорить, так как уровень проблем взрослого человека все-таки отличается от уровня проблем ребенка.

– Вы упоминали, что Вольховский помог вам определиться в профессии – стать кукольным режиссером. Откуда пошло увлечение куклами?

– Никак не из детства. Тогда для меня театр кукол заключался в передаче «Спокойной ночи, малыши!» Все, что я ненавидел в ней, – это Хрюша со Степаном и прочими уродами. А то, что я увидел у Валерия Аркадьевича, иначе как шоком не назовешь. Это был спектакль «Жизнь насекомых» Карела Чапека. Второй, который я посмотрел уже на следующий день, оказался «Мертвыми душами» Гоголя... «Карьера Роки, которой могло не быть» Брехта, потом «Процесс над Жанной д'Арк»... Я понял: театр кукол – это больше, чем «Спокойной ночи, малыши!»

– Ну, а ваши дети в восторге от «спокушек» или от папиных постановок?

– Старший, Георгий, например, сейчас сидит в зрительном зале. Если ему происходящее на сцене нравится, он говорит: «Хороший спектакль!», если нет, дает заключение: «Тоже хороший».

– Воспринимаете критику собственного сына? С одной стороны, он зритель, с другой – ваш отпрыск.

– Пусть говорит об этом почаще, по крайней мере, так лучше, чем соврать ☺

ИЛЬЯ МОСКОВЕЦ
> ФОТО АВТОРА

> Жребий всегда падает на того, кто его не ждет. Стефан ЦВЕЙГ